

ДЕТЕКТИВ-НОСТАЛЬГИЯ

ГЕННАДИЙ СОРОКИН

Лагерь
обреченных

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С65

Художник Алексей Дурасов

Сорокин, Геннадий Геннадьевич.

С65 Лагерь обреченных / Геннадий Сорокин. —
Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-100319-7

Осень 1983 года. В небольшом сибирском поселке намечено открытие Вечного огня. Приглашенные на торжество фронтовики в предвкушении праздника. Однако в разгар мероприятия случилось ЧП: в Доме культуры найден мертвым председатель местного Совета ветеранов. Следователь Андрей Лаптев подозревает, что смерть эта — насильственная. Не случайно рядом с телом обнаружена нарисованная кровью руна, которая в войну была символом дивизии СС «Галичина». Что это — чья-то глупая шутка или спланированная месть? Сыщик приступает к расследованию и натывается на ошеломляющие факты, о которых последние сорок лет в здешних местах предпочитали молчать...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сорокин Г.Г., 2019

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-100319-7

В пять утра в мою дверь забарабанили пудовые кулачищи.

— Андрюха, вставай! — кричал незнакомый мужик. — У нас ЧП, тебя срочно требуют на выезд.

Я распахнул створки окна, высунулся наружу:

— Чего орешь, весь поселок разбудишь!

Незнакомец в форме сержанта милиции перешагнул через низенький заборчик, отделяющий мой импровизированный палисадник от крыльца.

— Привет! — протянул он руку.

— Здорово! — Свесившись через подоконник, я пожал его крепкую мозолистую ладонь. — Чего случилось?

— Железнодорожный мост через Иланку взорвали. Начальник РОВД велел поднять весь личный состав по тревоге, так что ноги в руки — и в райотдел!

— Ты меня не подвезешь? — спросил я, кивая на «уазик», на котором приехал сержант.

— Ножками добежишь, не барин. Мне еще остальных поднимать надо.

Я закрыл окно и стал собираться на работу. На календаре было восемнадцатое июня 1983 года, второй день моей службы в Верх-Иланском РОВД.

К шести утра в актовом зале районной милиции собрался почти весь личный состав РОВД. Перед нами выступил мой непосредственный шеф, начальник уголовного розыска Казачков.

— Все знают железнодорожный мост через Иланку? — спросил он.

В зале согласно загудели. Один я ничего не знал. Немудрено. Я еще не освоился в районе, не поездил по деревням, я даже на берег реки еще ни разу не сходил. Иланка протекала через улицу от моего барака, но у меня пока не возникало желания посмотреть, в какую сторону она течет.

— В половине четвертого утра через мост прошел тепловоз, — продолжил Казачков. — Мост все помнят? Там два пролета. Как только тепловоз пересек опору между пролетами, она взорвалась. Тот пролет, что со стороны деревни Силино, упал в реку. Больше я ничего не знаю.

— Вадим Алексеевич, — раздался голос из зала, — какому дебилу понадобилось наш мост взрывать? По нему последний состав прошел лет двадцать назад. Я еще пацаном был...

— Я вижу, — повысил голос Казачков, — с тех давних пор ты несколько не поумнел! Я русским языком сказал, что больше ничего не знаю! Мост взорвали, наше дело — установить виновных. Сейчас разделимся на группы и на автобусах выдвинемся на место происшествия. Всем взять дежурные папки: будем опрашивать всех поголовно, кто под руку подвернется. И еще! Сейчас на место происшествия слетится начальство всех мастей. Если увидите хорошо одетого незнакомого человека, постарайтесь держаться от него подальше. С начальниками общаться буду я. Ваше дело — выполнять мои указания.

К мосту я ехал в одном автомобиле с Казачковым. По дороге он рассказывал:

— Когда-то, еще перед войной, за деревней Силино стали добывать щебень. На грузовиках много щебенки не вывезешь, вот и проложили от города до карьера однокорейную железнодорожную ветку. Лет пятнадцать или двадцать назад карьер закрыли, железную дорогу за-

ЛАГЕРЬ ОБРЕЧЕННЫХ

консервировали. Зачем кому-то понадобилось взрывать мост, я ума не приложу.

— Его точно взорвали? — недоверчиво спросил я. — Может быть, он сам от старости рухнул?

— Машинист по радиации сообщил, что взорвали.

— Если карьер не работает, то зачем ночью в его сторону тепловоз гонять?

— Приедем на место — узнаем.

— Андрюха! — повернулся ко мне оперативник, фамилию которого я еще не запомнил. — Ты нам покажешь класс, как надо работать! Давно хотел посмотреть, как городские опера преступления раскрывают.

Все в салоне издевательски захохотали. Для местных ментов я был еще чужаком, темной лошадкой, неизвестно за что сосланной из областного центра в отдаленный поселок.

У самого моста дорогу нам преградили солдаты с автоматами наперевес.

— Кто такие? — нарочито грубо спросил старший наряда, невыспавшийся прыщавый ефрейтор-срочник.

— Я сейчас выйду из машины, дам тебе в рыло, и ты научишься звездочки на погонах считать, — прорычал через опущенное стекло Казачков.

— Выходи! — охотно согласился ефрейтор. — Поговорим.

Стоявшие рядом с ефрейтором солдаты направили на нас стволы автоматов.

«Кто его знает, что у них на уме? — подумал я. — Откроют огонь на поражение, от нашего «уазика» только дырявое решето останется. А вдруг это не солдаты, а переодетые диверсанты? Тогда нам хана. Свидетелей они не оставят».

— Что там у вас? — раздался строгий голос со стороны припаркованного у дороги армейского грузовика. — Кого вы остановили?

— Товарищ лейтенант! — обернулся к грузовику ефрейтор. — Здесь какие-то подозрительные личности в милицейской форме. Документы показывать отказываются. Вдруг это те самые диверсанты, что мост взорвали?

— Какие еще диверсанты, что ты мелешь! — К нам подошел лейтенант с артиллерийскими эмблемами в петлицах. — Здравия желаю, товарищи! Предъявите документы.

— С этого бы и начинали, — недовольно пробурчал Казачков.

Лейтенант мельком глянул на его удостоверение и разрешил проехать к объекту.

— Серьезные дела творятся в нашем ауле, — заметил высмеявший меня опер. — Если солдаты успели все дороги перекрыть, то мост и вправду взорвали. Владимир Алексеевич, — обратился он к Казачкову, — мы без оружия выехали, а тут дело пахнет керосином!

— Глаза разуй! — огрызнулся начальник уголовного розыска. — Направо посмотри. Там солдат не меньше роты стоит, все с автоматами. Или ты от них отстреливаться собрался?

Словоохотливый опер обиженно замолчал.

У обрывистого берега реки мы остановились, вышли из автомобиля. Метрах в тридцати от нас, рядом с железнодорожным полотном, в группе штатских мужчин стоял начальник верх-иланской милиции майор Гордеев. Заметив нас, он показал на тропинку, ведущую к реке. Мы, повинуясь его безмолвному указанию, спустились вниз.

— Вот как его взорвали! — воскликнул Казачков, рассматривая разрушенный мост. — Теперь не скоро пролет на место вернут. Мощный кран надо подгонять, лебедки устанавливать.

Я с любопытством неместного жителя крутил головой налево и направо, осматривая и мост, и крутые берега реки. Пейзаж был красивым, рухнувший пролет моста впечатлял.

ЛАГЕРЬ ОБРЕЧЕННЫХ

Водная артерия Иланка называлась рекой, но на деле была неширокой мелководной речушкой. В том месте, где мы стояли, ширина речушки была не больше тридцати метров. Судя по тому, как ее уверенно переехал армейский грузовик, глубина Иланки не превышала метра. Оба берега реки были обрывистыми, что и потребовало возведения моста. Сам мост был трехопорным: две невысокие опоры сливались с берегами, одна посередине русла. Пролет моста с нашей стороны слетел с опоры и одним концом лежал в реке.

— Что я вам сейчас расскажу, в осадок выпадете! — весело сказал спустившийся к нам Гордеев. — Ни за что не догадаетесь, зачем тут ночью тепловоз прошел. Я даже представить не мог, что у нас на железной дороге такой бардак творится. Прикиньте, вечером на станцию к машинисту запасного тепловоза пришла любовница. Она говорит ему: «Со школьной скамьи мечтала на тепловозе ночью покататься!» Машинист не придумал ничего лучшего, как перевести стрелку и проехать по нашей ветке. Думал за часок стонять туда-обратно, а тут мост под ним взорвался. Стоит теперь, бедолага, на том берегу, не знает, что дальше делать.

— Раньше, чем мост починят, ему отсюда не перебраться, — усмехнулся Казачков. — Ничего не скажешь, ублажил любовницу. Что с ним теперь будет?

— Вкатают трешку за угон тепловоза и про любовницу не забудут.

— Семен Григорьевич, — спросил я, — установили, что с мостом?

— Взорвали, — уверенно ответил Гордеев. — Взрывотехники из КГБ осмотрели опоры, говорят, никаких следов свежего минирования нет. Взрыв был не сильный, но точно рассчитанный.

С той стороны реки раздался глухой ружейный выстрел. Через секунду рваной нитью застрочили автоматные очереди.

— Началось! — воскликнул озабоченный отсутствием оружия опер. — Диверсантов ловят?

— Какие, на хрен, диверсанты. — Гордеев с досады сплюнул в реку. — По-твоему, иностранные шпионы мосты минируют с охотничьими ружьями в руках?

— Ложись, сукин сын! — кричали на том берегу. — Сдавайся! Поднимай руки вверх и иди к нам!

— Нет желающих сходить на тот берег, посмотреть, что там к чему? — спросил начальник милиции. — Мыльников, ты у нас самый любопытный, так что давай, река тут неглубокая, воды не нахлебаешься.

— Семен Григорьевич, — заканючил мой обидчик, — а почему я-то? У меня туфли на скользкой подошве, я по камням не пройду.

— Вперед! — скомандовал Казачков. — Лишних вопросов не задавать, в перестрелку с диверсантами не вступать.

Поняв, за что наказан, опер полез в воду. Через пару минут, перейдя реку вброд, он выбрался на противоположный берег, поднялся на обрыв и скрылся из виду.

— Лаптев, — обратился начальник милиции ко мне, — ты парень городской, язык у тебя хорошо подвешен, как не опростоволоситься с областными тузами, знаешь. Останешься с Казачковым, будете у опоры моста прохаживаться, с умным видом следы преступления искать. Остальные, за мной! Будем подворный обход в деревне делать.

Мы с начальником уголовного розыска пошли вдоль берега реки, у опоры остановились.

— Смотри, кто-то свастику нарисовал, — сказал Казачков, указывая на среднюю опору. — Не имеет ли она отношения к взрыву?

— Ага, — с ехидцей согласился я, — в свастике вся суть. Только я вижу под ней надпись: «Манька шлюха!» — а у самого верха опоры кто-то слово из трех букв зеленой

ЛАГЕРЬ ОБРЕЧЕННЫХ

краской написал. На веревке человек спускался, шею свернуть рисковал, а все ради чего? Ради одного-единственного слова, в которое вложен яростный порыв бесшабашной русской души.

— Зря ты так, — не то шутя, не то нравоучительно возразил Казачков. — Все может иметь отношение к делу.

— Бесспорно! — подражая тону начальника, согласился я. — Пришел Манькин ухажер, прочитал, что про его зазнобу пишут, и взорвал опору. Ночью динамит заложил и рванул.

— Но кто-то же взорвал мост! — логично возразил мой начальник. — Какой-то смысл в его действиях был. Это же не курицу у соседки украсть, тут надо специальные познания иметь. Возьми меня — я не знаю, с какого конца детонатор в тол вставлять.

— Я тоже не знаю, — с сожалением вздохнул я. — Мне все время интересно, зачем люди с краской идут пешком за много километров, чтобы на заброшенном здании или тут, на мосту, намалевать пару слов. Кто их читать будет?

— В поселке на стенах матерки писать не станешь, а здесь — в самый раз!

Казачков призадумался, достал сигарету, закурил.

— Я, кажется, знаю, про какую Маньку речь идет, — осторожно предположил он. — Она в соседней деревне живет, смазливая такая, глазки черные, как два уголька. Замужем. Не знал, черт возьми, что она, оказывается, вертихвостка. Про порядочную женщину такого не напишут!

На полном ходу с противоположного берега в воду влетел армейский «Урал». Подняв фонтаны воды, грузовик пересек реку и, не останавливаясь, взобрался на крутой косогор. Через минуту к нам спустился приехавший на грузовике Мильников.

— Туфта полная! — размахивая руками, затараторил он. — Мужик из деревни пошел на болото уток постре-

лгать, все утро в засаде просидел, ни одного выстрела не сделал. Идет назад, а ему навстречу солдаты с автоматами. Мужик от страха нажал на курок, пальнул в землю, тут и началось! Но это еще не все! Наш, верх-иланский, молоковоз мимо проезжал. Водитель с экспедиторшей решили в кустах прилечь, поразвлечься, а тут — солдаты! Подняли их, прикладами в свой грузовик загнали.

— Куражатся солдатики, — сказал я. — В казарме скучно сидеть, а тут такое бесплатное развлечение! Будет что после дембеля вспомнить.

— Ты вот что, — обратился к Мыльникову начальник уголовного розыска, — беги в деревню, доложи обо всем Гордееву. Молоковоз надо на завод гнать, а то молоко пропадет.

— Почему опять мне? — запротестовал опер. — Я вымок весь, туфли разъехались. На мне места живого нет, и мне же в деревню бежать?

— А кто побежит, я, что ли? — наехал на опера Казачков. — Лаптев не местный, пока он деревню найдет, все молоко скиснет. Шуруй к Гордееву, умник хренов!

Матерясь через слово, опер полез на край обрыва.

Не успел он скрыться из виду, как со стороны леса раздался оглушительный рокот и свист лопастей, рассекающих воздух. Медленно и величественно над нашими головами прошел военный вертолет «Ми-8». Сделав круг над мостом, он застыл на одном месте, круто развернулся и умчался прочь. Стоило ли прилетать ради пары минут у взорванного объекта?

— В первый раз в наших краях вертолет вижу, — заметил Казачков.

Я хотел сказать, что в городе вертолеты тоже не каждый день летают, но заметил людей на мосту и промолчал.

— Это кто такие? — удивился Казачков. — Уверенно идут. Ремонтники, что ли? Да нет, не похоже.

ЛАГЕРЬ ОБРЕЧЕННЫХ

Трое мужчин по уцелевшему пролету дошли до взорванной опоры, осмотрели ее, сфотографировали и тем же путем вернулись назад. Через полчаса нам скомандовали: «Отбой». Так ничего и не поняв в ночном происшествии, мы снялись с места и уехали в поселок.

Правда до нас дошла через неделю. Оказывается, взрыв моста был отголоском давних военных лет. В 1941 году, во время летнего наступления, немцы уверенно захватывали автомобильные и железнодорожные мосты. Ни один из них не был заминирован. Проанализировав результаты поражения, Генеральный штаб РККА издал приказ о минировании всех мостов на опасных направлениях. Каким-то образом в разрядку попал мост через речушку Иланку, протекающую в глухой сибирской провинции. Заминировать-то мост заминировали, а снять взрывчатку позабыли. Прошло много лет, оплетка на контактах взрывателя рассохлась и опала, оголив провода. По мосту пронесся случайный тепловоз, взрыватель вздрогнул, контакты соединились, и детонатор сработал. Удивительное дело: аккумулятор, гарантийный срок которого не превышал одного года, оставался в рабочем состоянии больше сорока лет!

С тех пор, проезжая по любому мосту через реку, я невольно шепчу про себя: «Спокойнее! После взрыва на Иланке все мосты в стране проверили. Бояться не надо. Никаких мин тут нет!»

Мой второй рабочий день в Верх-Иланском РОВД выдался насыщенным и ярким. После него потянулись серые однообразные будни.

2

В понедельник, 29 августа 1983 года, меня вызвал Гордеев. За приставным столиком у него сидели замполит отдела Зайцев и мой непосредственный шеф Казачков.

— Как жизнь, как настроение? — Гордеев жестом предложил мне сесть напротив замполита.

— Интересно, — усмехнулся я, — кто-нибудь у Ленина спрашивал в Шушенском, как у него дела?

— Оставь Ленина в покое, — автоматически пресек дальнейшее развитие темы замполит.

— Так всегда! Стоит мне провести параллель между Верх-Иланском и Шушенским, как мне тут же затыкают рот.

— Я вижу, ты стал веселее, чем в первые дни. — Гордеев достал сигареты, закурил.

— В первые дни меня глодала вселенская тоска. Скажу вам честно, я никогда себя так плохо не чувствовал, как два месяца назад. Это был просто ужас! Тоска, ностальгия по городу, по высоким домам, по асфальтированным улицам, по трамваям, по киоскам «Союзпечати». Тогда я для себя решил, что если в первый год не сопьюсь и не сойду с ума, то буду считать, что я с честью выдержал самое суровое испытание в моей жизни.

— Что-то я не замечал, чтобы ты приходил на работу с похмелья, — серьезно заметил Казачков.

— Я в городе жил в рабочем общежитии. Там каждый выходной — пьянка до потолка. Если бы я имел тягу к спиртному, я бы там спился. Поводов выпить в общежитии — предостаточно. Кстати, я тут, в ссылке, оказался из-за показаний одного алкоголика на кадровой комиссии областного УВД.

— Что ты постоянно бравируешь ссылкой! — раздраженно бросил замполит. — Никто тебя никуда не ссылал, тебя просто перевели на новое место работы¹.

— Семен Григорьевич свидетель, как меня «переводили»! Со мной на кадровой был мой друг, самый опыт-

¹ Подробнее о причинах «ссылки» Андрея Лаптева в поселок Верх-Иланск — в книге Г. Сорокина «Смерть со школьной скамьи».

ЛАГЕРЬ ОБРЕЧЕННЫХ

ный инспектор уголовного розыска в нашем райотделе. Так вот, его «перевели» на гражданку. По собственному желанию. У нас выбора не было.

— Жестко с вами поступили, ничего не скажешь! — подтвердил Гордеев.

— Честно вам скажу, — как пылкий комсомолец, я прижал правую ладонь к сердцу, — если бы мне предложили остаться инспектором ОУР в городе или перевестись сюда начальником РОВД, я бы выбрал город. Поймите меня правильно — я родился и вырос в городе. Я всегда буду в сельской местности инородным телом. Я сижу иной раз, слушаю, как коллеги обсуждают, что в магазине нет сахара варенье варить, и мне дико становится. Я не ем варенье. Мне не нужно ведро смородины. Я никогда в жизни, по доброй воле, не стану обрезать усы у клубники. Я не понимаю смысла: зачем в огороде делать компостную кучу, если в каждом дворе есть ко-рова?

— Оставим сельскохозяйственную тему, — предложил замполит. — Как ты устроился на новом месте? С соседями познакомился?

— Леонид Павлович! Я в школе милиции четыре года на казарменном положении прожил. Для меня комната в бараке — вполне сносное жилье. Тем более у моей комнаты отдельный выход на улицу. Даже крылечко есть.

— Ты еще палисадник под окнами не разбил? — засмеялся Казачков.

— Ни-за-что! Пусть под моими окнами растут сорняки. Я поклонник дикой природы. Растет у меня за окном хрен — пусть растет! Его поливать не надо. Осенью выкопаю и съем.

— Жениться еще не надумал? — по интонации начальника я понял, что это был последний вопрос на отвлеченную тему. Дальше должен последовать серьезный разговор.